

## 19 августа 1964 года. Заседание Президиума ЦК КПСС

19 августа на Президиуме ЦК отец выступает с отчетом о поездке. Урожай радовал. Правда, отец тогда еще не знал окончательных цифр. Всё подсчитают и о рекордном урожае объявят 25 октября, через десять дней после смены власти.

В 1964 году собрали 152,1 миллиона тонн зерна, больше чем в какой-либо предыдущий год XX столетия. (До этого максимум составлял 140,2 миллиона тонн в 1962 году.) Урожайность с гектара тоже оказалась самой высокой – 11,4 центнера с гектара. Государство закупило 68,3 миллиона тонн. Напомню, что в катастрофическом 1963 году закупки составили 44,8 миллиона тонн, а в относительно благополучном 1962-м – 56,6 миллиона тонн. Зерна хватило и на продовольственные нужды, и на увеличение госрезервов, и на прокорм скоту. С улучшением обеспечения кормами к исходу 1965 года животноводство постепенно восстановило позиции, утраченные в бескормицу неурожайного 1963 года.

Отец отдавал себе отчет, что рекордный урожай 1964 года – не столько их собственное достижение, сколько дар природы, точно так же, как и природная катастрофа предыдущего, 1963 года. Бог – дал, Бог – взял. Все изменится, когда разовьются мощности по производству удобрений, а поля прорежут ирригационные каналы. Только тогда исчезнет фатальная зависимость от природы. На это уйдет около десятилетия, а пока отец предупреждал своих коллег: «Не зазнавайтесь. Не забывайте прошлого, 1963 года. Вам надо готовиться к худшему. Если готов, то и худшее не страшно. Не можем мы позориться, покупая хлеб за границей».

В его выступлении меня поразило обращение «вам», а не «нам». Оговорка, а возможно, и не оговорка, XXIII съезд не за горами, соберется через год-полтора, и после него отец отправится на пенсию, «вам» станет реальностью.

Что же касается предостережения, то отец как в воду смотрел. В следующем, 1965 году, урожай собрали никудышный, всего 121,1 миллиона тонн, государственные закупки составили 36,3 миллиона тонн, на 8,5 миллиона тонн меньше, чем даже в катастрофическом 1963 году. Почему так произошло, не знаю. То ли погода подвела, а скорее всего, избавившись от отца, Брежнев расслабился и энтропия не замедлила показать себя. Недостачу зерна компенсировали импортом. Кормиться за чужой счет понравилось. А вскоре пошла нефть Сибири и появились нефтедоллары. Закупки зерна за рубежом вошли в привычку.

Однако вернусь к заседанию Президиума ЦК 19 октября. Оно продолжалось около трех часов. Его стенограмма едва уложилась в двадцать девять книжных страниц. Отец говорил подробно и обо всем. Упомянул он и о посещении Волгограда. Там ему представили пастуха-гуртоправа, зарабатывающего до 200 рублей в месяц. По тем временам очень высокая зарплата. Для сравнения: в нашем престижном ракетном КБ инженеру платили 110 рублей в месяц, а ведущий инженер получал 180 рублей. На «обычных» заводах инженер начинал с оклада в 80 рублей.

– 200 рублей и не каждый инженер получает, – говорил отец. – Я против того, чтобы сельские рабочие зарабатывали больше промышленных.

– Нормирование труда в колхозах отвратительное, – кто-то из присутствовавших поддержал отца, кто Малин не разобрался и обозначил его, как «голос». – В былые времена в пастухи шли люди неквалифицированные. Я сам так начинал трудовую деятельность, – продолжал отец, – это тяжелая профессия, но такие зарплаты у чабанов экономически не оправданы. Я знаю, что такое пересмотр норм, это самая тяжелая работа, но мы должны исправить допущенные извращения.

Отец не предлагал немедленно решать, просто делился своими впечатлениями. Обычно присутствовавшие в спор с отцом не вступали, иногда комментировали, что-то принимали к сведению, что-то пропускали мимо ушей. На сей раз Полянский, отвечавший за сельское хозяйство, заместитель отца в правительстве, непривычно резко возразил: «Нельзя по одному совхозу и колхозу определять политику».

– Я объехал множество колхозов и совхозов, – парировал отец.

Слово за слово – разгорелась перепалка, в пылу спора отец даже заявил: «Садитесь на мое место, я сяду на ваше. Пусть Президиум решит».

С зарплаты чабанов спор перекинулся на производительность труда вообще, отец упомянул, что у нас «выработка на одного работающего в промышленности в три раза меньше, чем в США, а в сельском хозяйстве – в шесть раз», затем вспомнил о каких-то разногласиях, возникавших при установлении пенсий колхозникам (какие, из текста не ясно), но, по словам отца, у них с Полянским тогда «произошел острый разговор».

– Вы оказались правы или я? – вопрошал отец.

– По-вашему мы и права на ошибку не имеем, – оправдывался Полянский. – Под тем предложением, кроме секретарей ЦК, подписалось и пять членов его Президиума. Нельзя судить по одному факту.

– Но вы же его готовили, – не унимался отец.

– Я человек! – выкрикнул Полянский, он уже не мог себя сдерживать.

– Я тоже человек! – отец не остался в долгу.

– Как с вами разговаривать? – не унимался Полянский.

– Это большой интересный вопрос, его надо изучить, – попытался разрядить обстановку Брежнев.

Сейчас, когда уже почти завершили подготовку к ниспровержению отца, спор между Полянским и отцом для заговорщиков оказывался совсем не ко времени.

– Может быть, это возраст, я расстраиваюсь, волнуюсь, реагирую, – успокаивается отец и меняет тональность разговора. Ссориться с Полянским он не намеревался, сорвался из-за

накопившейся за последние месяцы усталости. – Видимо, пока не умру, буду реагировать. Ничего с собой не могу сделать. Казалось бы, какое мне дело? Вы работайте! Мне уже семьдесят лет. Черт с вами, делайте, что хотите! – примирительно, как бы извиняясь, обращается отец к Полянскому и через некоторое время, уже при обсуждении других вопросов, с горечью добавляет: – Я выбит из колеи, не могу систематизировать...

– Не надо волноваться, – берет себя в руки Полянский.

Специализация, Конституция, реформа экономики, – все это требовало полной отдачи сил, плюс бесконечные, выматывающие поездки, постоянные перелеты, смена часовых поясов, разговоры на полевых станах, в кабинетах, выступления на многолюдных собраниях. Такое не всякий молодой выдержит, а отцу уже семьдесят лет. В октябре 1964 года сорокалетний Полянский попрекнет уже безвластного отца за бесконечные разъезды и отдельно за недавний вояж на целину: «Когда плохо было в прошлом, 1963 году, вы туда не поехали». С одной стороны, много ездит, с другой, получается – мало. Сам Полянский разъездов не любил, предпочитал руководить из кремлевского кабинета.

Дальше разговор переходит на подготовку к предстоящему в ноябре Пленуму ЦК. Отец предлагает разрешить колхозам и совхозам, а не только крестьянам, как это делается сейчас, продавать свою продукцию на рынках в городах и по рыночным ценам, правда, с установлением государством какого-то потолка цен. По тем временам – это огромное послабление. Отец считает такое решение рациональным.

Затем обсуждение на Президиуме ЦК перекидывается на будущее сельскохозяйственных управлений. Отец повторяет уже знакомые нам, изложенные в его записке предложения укрупнить их так, чтобы под юрисдикцией каждого находилось не восемь совхозов или колхозов, а не менее двадцати. Я подчеркиваю: укрупнить, а не разогнать. В октябре отца обвинят в намерении упразднить межрайонные сельскохозяйственные управления, однако это не помешает после его отставки эти управления немедленно ликвидировать.

Еще одно замечание. В стенограмме, а она не правилась, нет и намек на «крепкие» выражения, постоянно приписываемые отцу. Я уже не раз повторял, что отец не ругался дома, не ругался он и на работе. Самое грубое из того, что произнес отец на заседании 19 августа, – просьба к Шелепину запросить справку в ЦСУ и «сунуть ее в нос члену Президиума ЦК», то есть Полянскому. Не очень вежливо, но совсем не то, что обычно подразумевается под «крепким» словом.

## День за днем

14 августа 1964 года газета «Правда» сообщила о начале сооружения в Москве монумента «Покорителям космоса».

22 августа 1964 года газеты известили о приближении пуска Даугавпилсского комбината синтетических волокон в Латвии и Волжского химического комбината неопренового каучука.

9 августа 1964 года в Москву прилетел Пальмиро Тольятти, руководитель итальянских коммунистов. На следующий день он отправился отдыхать в Крым, купался в море, ездил на экскурсии. В один из дней Тольятти поехал пообщаться с пионерами в «Артек». Выйдя из машины, Тольятти успел только вскинуть в приветствии руку, как начал медленно оседать. Его подхватили, уложили на стоявшую поблизости скамейку. Врачи констатировали инсульт, запретили какие-либо передвижения, тут же, в «Артеке», оборудовали палату, попытались вскрыть пораженный участок мозга, пустить кровь. Ничего не помогло. 21 августа Тольятти скончался.

Отец решил немедленно лететь в Крым, не только чтобы попрощаться с лидером крупнейшей в Европе коммунистической партии, но и поговорить с Лунджи Лонго, преемником Тольятти. Итальянские коммунисты смотрели на мир несколько иначе, чем он виделся из Москвы, и отец счел необходимым лично обговорить позиции обеих партий.

На прощание с лидером итальянских коммунистов и проводы тела в аэропорт Симферополя ушло два весьма напряженных и нервных дня.<sup>93</sup>

23 августа отец на даче «Ливадия-1» еще успеет поговорить с главой Монголии Юмжагийном Цеденбалом и на следующее утро улетит в Москву.

Отца поджимал протокол, предстоял визит в Чехословакию на празднование двадцатилетия Словацкого восстания 1944 года.

24 августа 1964 года начал подниматься из земли небоскреб здания СЭВ на берегу Москвы-реки, напротив гостиницы «Украина».